

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

А.В. Павлов

Государственный университет – Высшая школа экономики

Что такое политическая теория? Это теория властных отношений или рационального выбора участников политического процесса, это история политической философии от Платона до Хабермаса или спекуляции на тему справедливости в духе Джона Ролза, это постмодернистские рассуждения либерального ироника Ричарда Рорти или феминистская критика существующей традиции политического мышления? Все эти подходы к политической теории и ответы на вопрос, чем является «политическая теория», разнятся не только по своему значению и той роли, которую они сыграли в истории политического знания, но и по своему методологическому инструментарию, а также предмету, который каждый из этих подходов ставит во главу угла. Если исходить из того, что все вышеозначенные ответы на вопрос о том, что представляет собой «политическая теория», верны или, по крайней мере, заслуживают права на существование, то сказать наверняка, что же такое политическая теория, не представляется возможным¹.

Так что такое политическая теория и каков ее предмет? Дело в том, что политическая теория, равно как и политическая наука, никогда не была универсальной отраслью знания, будучи всегда чрезвычайно фрагментированной. Даже когда в середине XX столетия большинство ученых как будто договорились считать политическую теорию научно обоснованной гипотезой, подкрепляемой эмпирическими доказательствами, были исследователи, категорически не согласные с подобным положением дел. На протяжении всего периода своего существования (впрочем, не такого уж и долгого) политическую теорию раздирали разнообразные противоречия, что, с одной стороны, тормозило ее развитие в определенном направлении (в данном случае имеется в виду «бихевиоральная революция»), которое впоследствии могло стать «исследовательской парадигмой»² этой области знания, а, с другой – позволяло не «зацикливаться»

¹ Более того, наличие в этой антологии статей с названием «Что такое политическая теория?», а также совершенно разные ответы на этот вопрос, только добавляют аргументов в пользу этого тезиса.

² Могло, но не стало. Сравнивать «бихевиоральную революцию» в политической науке с «научной революцией», предлагаемой Куном в качестве объяснения быстрых скачков научного знания, совершенно не корректно. Прежде всего, «бихевиоральная революция» не была научной по одной простой причине: она не устранила

на одних и тех же вещах и сохранить цветущее многообразие разных точек зрения, постоянно конкурирующих друг с другом. Этот «конфликт» внутри самой политической теории, между прочим, мог служить хорошим источником развития, и многие социологи, такие как сэр Ральф Дарендорф, конечно, согласились бы с такой точкой зрения. Однако, в действительности, чем больше развивалась и совершенствовалась свое знание политическая теория, тем более ее раздирали противоречия, и тем более она становилась фрагментарной.

Борьба – отец всего и мать всех

Все это не могло не привести к тому, что Брайан Бэрри весьма удачно назвал «скрытой интеллектуальной гражданской войной политической теории». Конечно, на самом деле эта война не настолько скрыта, чтобы ее совершенно нельзя было заметить, но все же она не вполне очевидна, будучи при этом не менее безжалостной, чем ее классический вариант. Если придерживаться этой метафоры, то можно было бы сказать, что политическая теория сегодня находится и большую часть своего существования находилась в «конфликте низкой интенсивности». То есть трения о статусе и роли политической теории существовали всегда, но они не были настолько сильными, чтобы выйти за рамки единого дискурса.

Вот один пример. В середине 1990-х американские и европейские политические ученые собрались для того, чтобы написать книгу, в которой были бы отражены новейшие на тот период тенденции в развитии политической науки. В русском переводе книга стала известна как «Политическая наука: новые направления»³. Вся работа делится на несколько разделов, каждый из которых посвящен отдельной дисциплине, входящей в корпус политических наук. Каждый раздел, в свою очередь, делится на несколько глав, посвященных тому или иному аспекту отдельной подотрасли политического знания. Помимо всего прочего, в книге, разумеется, есть и раздел, посвященный «политической теории». В этом разделе четыре главы.

Первую главу «Политическая теория: общие проблемы» написала Айрис Марион Янг. В своем очерке автор перечислила основные исследовательские направления в этой области: понятие социальной справедливости, теория демократии, феминистский подход к политической теории, постмодернизм, новые общественные движения и гражданское общество, а также известная полемика между либералами и коммунитаристами⁴. Эта статья имеет чисто описательный характер и не претендует на великие открытия в политической теории. Однако

своих основных конкурентов, что, несомненно, является одним из обязательных условий куновской научной революции. Эта точка зрения подробно излагается в: Уолин Ш. Политическая теория как призвание // Наст. изд.

³ Политическая наука: новые направления. М., 1999. Англоязычное издание см.: A New Handbook of Political Science. Oxford, 1996.

⁴ Подробнее см.: Янг Ай. М. Политическая теория: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 453-477.

она замечательна тем, что после ее прочтения становится очевидным, насколько размытым и неопределенным является понятие «политической теории», в объем которого попадают и постмодернисты, и феминистки, и коммунитаристы.

Еще одна глава посвящена «эмпирической политической теории». Автор статьи – Клаус фон Байме – обратил внимание на то, что американцы в своих работах практически не упоминают иностранных авторов, что, по его мнению, является роковой ошибкой для дальнейших исследований в области политической теории⁵. Он также указал на то, что существует три стиля политического теоретизирования: французский, который, прежде всего, обращает свое внимание на проблемы языка и искусства; тевтонский, в прошлом опирающийся на марксистскую методологию, а сегодня эволюционировавший в сторону правой идеологии (этот стиль предельно абстрактен, и, кажется, немцы подумывают вообще отказаться от понятия «политическая теория»); англо-американский стиль, основой которого автор почему-то называет прагматизм, воплощенный в аксиоматическом и дедуктивном стиле политического философствования. Исходя из собственных критериев⁶, Байме квалифицировал в качестве эмпирических теории Лумана, Хабермаса и Вебера, теорию рационального выбора, фрейд-марксизм и ортодоксальный поведенческий подход. Тем не менее, несмотря на свои достоинства, данная статья Байме не выражает ни настроений какой-либо группы политических ученых, ни определенного ортодоксального подхода к политической теории. Это собственный взгляд автора, который может показаться занятным, но который не оказывает и самого малого влияния на политическую теорию.

Совершенно в ином ключе написаны работы представителя английской традиции политической философии Бхику Пареха и американского исследователя Брайна Бэрри, работающего в рамках ролзовского подхода к политической философии. Парех⁷ обращается к политико-философским традициям политической теории⁸, а именно, к сочинениям тех мыслителей, которые оказали наибольшее влияние на политическую теорию в XX столетии: Оукшоту, Штраусу, Попперу, Берлину, Фёгелину и Маркузе, исследователям, изучавшим различные явления и тенденции, приведшие в XX веке к ужасающим последствиям – Второй мировой войне, нацизму и тоталитаризму. Истоки этих политических феноменов они видели в рационализме (Оукшот), релятивизме (Штраус), исто-

⁵ Напомним, что сам Байме – профессор политических наук Гейдельбергского университета.

⁶ См.: Байме Ф.К. Политическая теория: эмпирическая политическая теория // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 495-506.

⁷ Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 478-494.

⁸ В контексте данной статьи позволительно употреблять термины «политическая теория» и «политическая философия» как синонимы, однако в других случаях это, конечно, было бы неверным. Оба понятия имеют отличительные признаки, собственные предметы и специфические функции. Хотя в некоторых моментах эти термины и тождественны между собой, все же они остаются разными категориями политического знания.

рицизме (Поппер), моральном монизме (Берлин), гностицизме⁹ (Фёгелин) и капитализме (Маркузе)¹⁰.

Точка зрения Бхику Пареха сводилась к следующему. Уже обыкновением стало считать, что до 1971 года политическая философия если и не была мертва, то, по крайней мере, находилась на пути в мир иной. После публикации книги Джона Ролза положение вещей изменилось. Мы еще вернемся к теме «Ролза и возрождения политической философии», а пока следует сказать, что Парех воспекает, по его же собственным словам, «золотое время» для политической философии – 1950-1960-е годы. Работы Майкла Оукшота, Карла Поппера, Людвиг фон Мизеса, Исаяи Берлина, Эрика Фёгелина, Ханны Арендт и Лео Штрауса¹¹, относящиеся именно к этому периоду, позволяют говорить о том, что политическая теория не была мертва, а расцветала пышным цветом.

По мнению Пареха, источником мнений о гибели теории служил следующий факт: все эти мыслители были в определенном смысле «гуру политической философии», все они имели множество учеников и последователей и даже создавали свои школы. Однако, несмотря на это, а также на то, что часто эти мыслители либо общались друг с другом, либо были хорошо осведомлены о деятельности коллег, они не чувствовали потребности ссылаться на сочинения друг друга. Таким образом, эта тенденция, разумеется, не могла не оказать дурное влияние на эволюцию политического знания, или, если говорить точнее, не породить иллюзию того, что политическая философия находилась при смерти.

Однако, пишет Парех, в 1970-х роль «гуру» неуклонно падала, и было необходимо чем-то заполнить эту лауну. Так появилась работа Джона Ролза «Теория справедливости», которая произвела фурор в англосаксонском мире политической теории, и после 1971 года для политических теоретиков не ссылаться на нее стало дурным тоном. Более того, она явилась стимулом для написания таких бестселлеров по политической теории, как «Анархия, государство и утопия» Роберта Нозика и «О правах всерьез» Рональда Дворкина¹². Однако, как утверждает Парех, Ролз отнюдь не продолжал великой традиции англоязычной политической философии, идущей от Томаса Гоббса, но, напротив, радикально порывал с ней. Вместе с тем, Парех продолжает высоко ценить своих героев и с некоторым скептицизмом отзывается о тех, кто принял подход Джона Ролза.

---

⁹ Термин, который Фёгелин использует в своей философии, несколько отличается от понятия «гностицизм» в том значении, которое он имел в Средние века. Для объяснения своей позиции мыслитель ввел специальный терминологический аппарат. «Гностицизмом» Эрик Фёгелин называл «ересь», утверждающую возможность земного рая, а именно, претензию правительств на возможность и способность осчастливить людей посредством своего управления.

¹⁰ Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 481.

¹¹ Все эти имена перечисляет автор статьи.

¹² К счастью, не так давно обе работы были переведены на русский язык. См.: Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004; Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2007.

Бэрри, являясь последователем Ролза, резко отреагировал на эти суждения Пареха¹³. Статья Брайана Бэрри «Политическая теория: вчера и сегодня» по жанру является ответом на очерк Бхику Пареха и Айрис Янг. Бэрри указал, что если Ролз не делает ссылки на обожаемых Парехом Штрауса, Арндт, Фёгелина, Поппера, Оукшота, то обильно цитирует Бентама, Милля, Юма и Канта. Другими словами, Ролз опирался на определенную традицию философского мышления – кантианство и утилитаризм, – и его не слишком-то заботило, что там до него наговорили какие-то гуру¹⁴.

Все эти мысли, изложенные в четырех главах раздела «Политическая теория», хорошо иллюстрируют сложные отношения представителей того или иного лагеря политической мысли, отношения, которые с полным правом можно назвать «гражданской войной». Обратим внимание, что для середины 1990-х годов эти дебаты являлись последним словом в политической теории. Какое же слово из этих четырех в результате все же стало последним? Кто на самом деле был прав или, по крайней мере, приближался к истине? По всей видимости, похоже, никто. Дискуссии о статусе политической теории ведутся политическими теоретиками до сих пор. Они расширяются и углубляются, обретают новые формы, находят новые пространства, но от этого не становятся менее жаркими. В результате политическая теория сегодня, по-видимому, становится все более фрагментарной.

Однако мы не будем выходить за рамки середины 1990-х годов. Цель этой книги – пунктирно показать, каким образом политическая теория пробивала себе дорогу в жизнь в XX столетии, какие тенденции имели место в ходе ее развития, с какими вызовами она столкнулась, и какие проблемы ее заботили больше всего. Другими словами, во многом эта книга является «археологической» и главной задачей ставит знакомство отечественного читателя с дискуссиями об институциональном положении политической теории в XX столетии¹⁵. Статьи, вошедшие в данную антологию, – конкретные примеры непрекращающейся острой полемики о статусе политической теории. В книге речь идет именно о тех исследователях, которые пытались понять, что представляет собой политическая теория и каково ее институциональное положение в структуре академической политической науки и, шире, в современном политическом дискурсе. Последний текст относится к середине 1990-х; в нем даны некоторые прогнозы развития этой области знания. Его публикация – хорошая возможность узнать, сбылись ли эти прогнозы по прошествии десятилетия. Для того чтобы ввести неискушенного читателя в курс дела, далее последует «краткая история англоязычной политической теории», а затем будет дано обобщение

¹³ Бэрри Б. Политическая теория: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 507-523.

¹⁴ Бэрри Б. Политическая теория: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 514.

¹⁵ В некотором смысле, антология – хороший пример истории конкретной научной дисциплины, что могло бы вызвать интерес у историков и методологов гуманитарной и социальной науки.

основных проблем, которыми были обеспокоены ученые и специалисты, занимавшиеся исследованием статуса политической теории как отдельной отрасли политической науки в XX веке.

Краткая история политической теории

Кратко писать об истории политической теории – дело чрезвычайно непростое. Не той истории политической теории, которая берет начало еще в трудах Платона и Аристотеля, но той, что появляется в США в начале XX столетия (ведь, в конце концов, «историю политической теории от Платона и до наших дней» изобрели именно американцы) как особая область политического и одновременно теоретического знания.

Дискуссии о статусе и характере политической теории возникли лишь в 1940-1950-х годах. До тех пор, особенно в самом начале века, политическую теорию считали тождественной историческому и сравнительному изучению государства. Такой точки зрения ученые придерживались относительно долгое время. Главным трудом, на который должны были опираться все без исключения исследователи политической теории, была трехтомная «История политических теорий» Уильяма Арчибальда Даннинга¹⁶. В течение двадцати лет никто не смел поставить под сомнение предмет (изменение политического сознания, происходящего вследствие трансформации институтов и идей на Западе) и метод книги (описание западных политических теорий с элементами концептуального анализа).

В начале 1920-х настоящее покушение на политическую теорию предпринял Чарльз Мэрриам, которого не устраивало положение дел не только в теории, но и в политической науке в целом. Он предложил программу «взаимного оплодотворения политики и науки», причем под «наукой», надо сказать, он понимал ориентацию на количественные методы, а также на данные естественных наук. Он считал, что вся отрасль политического знания в США в то время необходимо должна была свестись к наблюдению, обзору и измерению политических явлений, событий и процессов. Между тем любопытно, что хотя Мэрриам и критиковал историко-сравнительный метод в политической науке, это не сопровождалось конфронтацией с историей политической теории, трактуемой в духе Даннинга, Геттела и Макилвейна¹⁷. Более того, Мэрриам, привлекая «революционные» методы строгой науки в политические исследования, вполне мог позволить себе писать книги по истории политической теории в традиционном ключе.

Однако в том виде, в каком ей позволил еще какое-то время просуществовать Мэрриам, политическая теория оставаться больше не могла. Этого требовали как социально-политические условия того времени, так и развитие полити-

¹⁶ См.: Dunning W.A. A History of Political Theories: In 3 Vols. N.-Y., 1902, 1905, 1920.

¹⁷ См.: Ганнел Д. Политическая теория: эволюция дисциплины // Наст. изд.

ческой мысли и философских идей. В результате уже в 1930-е годы история политической теории стала отдельным литературным жанром. И у этой литературы была очень серьезная и великая задача – продемонстрировать развитие либеральной идеологии в течение всей истории политической мысли, показать ее отличия от фашизма и коммунизма, а также доказать ее превосходство и преимущества по сравнению с конкурирующими системами политических идей того периода. Именно с этими целями в 1930-е годы издавались многие книги, пожалуй, главной среди которых стала «История политической теории» Джорджа Сэйбина (1937 год¹⁸), в течение последующих 20 лет считавшаяся одной из самых серьезных работ в этой области политического знания. Другими небезынтесными примерами такого рода сочинений являются работы Томаса Куку¹⁹ и Джорджа Катлина²⁰. Последний был особенно активен в том, что касается апологии либеральных ценностей.

Таким образом, к концу 1930-х, сама того не замечая, политическая теория артикулировала две крупнейшие проблемы, которые, во-первых, можно рассматривать как предмет ее анализа, а во-вторых, как те «пунктики», которые стали для нее роковыми в более позднее время – это «научное покушение» на саму политическую теорию и проблема идеологии.

Уже к концу 1930-х – началу 1940-х годов политическую теорию ожидало очередное покушение со стороны «строгой науки», и на этот раз покушение было сильнее и безжалостнее предыдущего. Продолжая традиции, заложенные Чарльзом Мэрриамом, настоящая легенда политической науки и одна из первых ласточек «бихевиоральной революции» Гарольд Лассуэлл задумал «отвоевать» теорию у историков и превратить ее из описательной дисциплины, поющей дифирамбы американскому либерализму, в предмет, который мог бы стать по-настоящему «научным» (надо ли напоминать, что идеалом научности для него оставалась психология). Лассуэлл предложил оставить этику философам и занять себя преимущественно анализом политического поведения. В итоге «теория» стала строго научным, хорошо обоснованным, эмпирически проверяемым набором гипотез относительно политического поведения субъектов политики.

Одним словом, теория стала тем, чем Гарольд Лассуэлл пытался ее сделать уже в течение 1930-х годов. Однако тогда, на волне критики фашизма и коммунизма, его исследования вызвали некоторое неодобрение и со стороны «политических ученых», и со стороны «политических теоретиков», так как он придавал слишком большое значение проверке гипотез и радикализировал методы психологии, отстаиваемые Мэрриамом. Вместе с тем, именно Лассуэлл сделал очень много для становления политической науки как «науки». И, что особенно важно, все эти изменения в политической науке происходили одновременно с

¹⁸ Эта книга стала чрезвычайно популярной и долгое время оставалась одним из главных источников по истории политической теории. Она выдержала, по крайней мере, еще два издания в 1950 и 1961 годах.

¹⁹ Cook T.I. History of Political Philosophy from Plato to Burke. London, 1936.

²⁰ Catlin G. The History of the Political Philosophers. N.-Y., 1939.

изменениями в политической теории. Последняя все реже прибегала к историко-сравнительному методу и все меньше опиралась на этику и философию. Хотя в действительности мнение о том, что политическая теория – это преимущественно история идей, было в течение долгого времени непреложным для большей части университетских программ, посвященных политической теории. Например, если исключить лишь некоторые теоретические и методологические курсы, то еще в середине 1960-х годов такое положение было характерно для большинства высших учебных заведений.

Весьма примечательным остается следующий факт: та политическая теория, которую проповедовал Джордж Сэйбин и которая постепенно вытеснялась «онаученной поведенческой теорией», в значительной мере оставалась тождественной истории политических идей. Отечественная исследовательница из Санкт-Петербурга в своей ценной монографии «Феномен политического знания» отмечает то же самое: «В этот период все меньше используется понятие политической теории, а сфера ее ограничивается только историей политической мысли – ситуация, сохранившаяся отчасти и поныне»²¹. И даже несмотря на этот факт, все же она не была враждебной к ставшей уже почти такой же традиционной приверженности к науке и методу. Конфликтовать научная политическая теория и историческая политическая теория стали лишь в 1940-х, когда вся американская политическая наука обогатилась континентальными философско-политическими идеями²². Например, никто из американцев не посмел бы поставить под сомнение ценность *истории* политической теории, будучи сам приверженцем этого подхода. Однако для эмигрантов такой вызов мог быть сравнительно легким. Одним из таких критиков исторического подхода стал в то время еще историк политических идей австрийского происхождения Эрик Фёгелин.

Критика Эриком Фёгелином²³ современной ему политической теории (или истории политической теории) была очень меткой и имела достаточно глубокие для того времени основания. Фёгелин указал на слабые места главных корифеев истории политической философии, а также продемонстрировал большую путаницу – и вследствие этого сложность – в определении понятия «политической теории». Во-первых, история политической теории была ориентирована лишь на Запад. Хорошей иллюстрацией этого тезиса могла бы стать «История политических философов»²⁴ позитивистски ориентированного Джорджа Катлина, считавшего восточную политическую мысль лишь прелюдией к гениальным прозрениям Платона и Аристотеля. Фёгелин пытался показать американским историкам все достоинства восточной политической мысли и то, как эта мысль

²¹ Сморгунова В.Ю. Феномен политического знания. СПб., 1996. С. 242.

²² Например, Сморгунова считает, что «Понятие политической теории было разработано еще в 40-е годы, ее развитие связано с эмиграцией из США немецких ученых». См.: Сморгунова В.Ю. Феномен политического знания. СПб., 1996. С. 286.

²³ См. Фёгелин Э. Политическая теория и паттерн общей истории // Наст. Изд.

²⁴ Catlin G. The History of the Political Philosophers. N.-Y., 1939.

могла бы быть полезной коллегам-соотечественникам. Во-вторых, все авторы, по мнению Фёгелина, понимали под политической теорией слишком разные вещи и настолько неаккуратно обращались с материалом, над которым работали, что сам термин во многом перестал быть адекватным. Именно поэтому Фёгелин пошел на то, чтобы заменить его на другой, с его точки зрения, более подходящий термин – «история политических идей», по-видимому, более точно отражавший тенденции, наметившиеся в исследованиях предмета на тот период.

С 1939 и по 1950 год он писал свою грандиозную «Историю политических идей», которая, впрочем, не была опубликована при жизни автора²⁵. Однако восемь томов «политических идей» не были лишь «историей», и с методологической точки зрения – что являлось одним из главных пунктов критики Фёгелином его предшественников – были еще более уязвимыми, чем работа пионеров истории политической теории. Это был личный проект Фёгелина²⁶. Конечно, туда вошла древневосточная политическая мысль, более того, Фёгелин выказал уважение к русской политической мысли и уделил особое внимание исследованию творчества Михаила Бакунина, однако в восьми томах нет подробного анализа идей Руссо, Канта, Гегеля, Милля и Токвиля, в то время как разбор наследия Шеллинга и Маркса присутствует. И если Даннингу, исключившему из своего анализа Средние века, было простительно быть столь небрежным, то Фёгелину, придирчивому и педантичному австрийцу, обойти вниманием Токвиля – нет. Как бы то ни было, Фёгелин эмигрировал в США лишь в 1938 году, и в первой половине 1940-х он еще только начинал свой творческий путь, а значит, не имел должного влияния, и предложенная им вполне конструктивная критика осталась гласом вопиющего в пустыне.

Фёгелин был лишь одним из ярких примеров немецкоязычных эмигрантов, среди которых свои достойные места занимают такие авторы, как Карл Дойч, Герберт Маркузе и Ханна Арендт. Все они в тот период оказали большое влияние на дискурс политической теории. Джон Ганнел хорошо показал, что политическая теория (в том виде, в котором она стала известна в 1960-ые) была рождена самосознанием эмигрантов. До них проблемы позитивизма, релятивизма и историцизма не были такими популярными в политической науке, какими стали в 1950-е. Вот почему одним из ключевых пунктов для англоязычной (и, прежде всего, американской) политической теории стало влияние европейцев. При этом «влияние» это было чрезвычайно разнообразным. Это могла быть оксфордская лингвистическая философия, феноменологический подход к политической философии, «ценностный плюрализм» и другие направления исследований.

²⁵ Voegelin E. The History of Political Ideas // The Collected Works of Eric Voegelin. Columbia, 1997-1999 Vols. 19-26.

²⁶ Szokolczai A. Eric Voegelin's "History of Political Ideas" // European Journal of Social Theory. 2001. 4 (3). P. 352.

Более удачливым в предприятии покушения на основы «истории политической теории» оказался другой немецкоязычный эмигрант Лео Штраус (хотя, и об этом речь пойдет позже, история политической философии не была единственным направлением его деятельности). Здесь надо оговориться, что Штраус всегда делал особенный упор на то, что он занимался именно историей *политической философии*, а не историей *политической теории*, которую он определял как «всестороннее размышление о политической ситуации, ведущее к предложению общего политического курса»²⁷. Вместе с тем, то, чем он занимался, все же в определенном смысле было «политической теорией», особенно если вспомнить о некотором терминологическом уточнении, предложенном Джоном Ганнелом. Так, последний настаивал, что «необходимо проводить различие между *Политической теорией* как особой отраслью политической науки (ПТ) и *политической теорией* как более общей междисциплинарной областью, в которой пересекаются сферы деятельности интеллектуального сообщества (пт)»²⁸. Это замечание проливает свет на некоторое недопонимание, а также ошибочную интерпретацию эволюции политической теории второй половины XX века, а также указывает на то, что, хотя Штраус почти всегда избегал термина «политическая теория» в узком смысле этого слова (того, что Ганнел назвал *Политической теорией*), все-таки он всегда оставался политическим теоретиком в более широком значении (том, что Ганнел назвал *политической теорией*). Неслучайно, большинство американцев считают Штрауса выдающимся политическим теоретиком, но не философом²⁹.

В начале 1940-х Лео Штраус приехал в США и обосновался в Чикаго – именно в том месте, откуда ведет свое происхождение «бихевиоральная революция»³⁰, где долгое время преподавали и проводили исследования Чарльз Мэрриам и Гарольд Лассуэлл. Более того, Штраус занял место на факультете политических наук, которое ранее принадлежало никому иному, как Чарльзу Мэрриаму³¹. Наконец, заслуга Штрауса заключалась в том, что он, в отличие от Эрика Фёгелина, сумел увлечь целое поколение политических исследователей. Его исторический проект заключался в следующем. Во-первых, он указал на значимость исследования истории политической теории самой по себе. По его мнению, ответы на вечные вопросы уже были даны, нужно только правильно

²⁷ См.: Штраус Л. Что такое политическая философия? // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 12.

²⁸ Ганнел Д. Политическая теория: эволюция дисциплины // Наст. изд.

²⁹ Например, см. статью Ларри Спенса, представленную в настоящем издании: Спенс Л. Политическая теория в отставке // Наст. изд. Примечание №5. Автор упоминаемой статьи вносит некоторую терминологическую путаницу: то, что сам Штраус называл «политической философией», Ларри Спенс без каких-либо оговорок выдает за «политическую теорию».

³⁰ Более подробно о «бихевиоральной революции» см. ниже.

³¹ В одной из самых интересных книг Джона Ганнела, посвященных политической теории, есть эпитафия, слова которого принадлежат Чарльзу Мэрриаму: «Кто такой Лео Штраус?». Этот вопрос показывает то смещение и удивление, которое испытали американские политические ученые, когда эмигранты из Европы активизировали свою деятельность на поприще политической науки. Штраус стал одним из лидеров этого движения. Gunnell J.G. *The Descent of Political Theory. The Genealogy of an American Vocation*. Chicago and London, 1993. P. 175.

читать классических политических философов и правильно интерпретировать их учения. Прежде всего, Штраус обращался к Платону и Аристотелю, однако его также интересовали такие фигуры, как Николо Макиавелли и Томас Гоббс. Во-вторых, Штраус стимулировал интерес к исследованиям истории незападной политической мысли – Аль Фараби, Маймонида и другим экзотическим персонажам. В этом отношении Штраус весьма преуспел. Вместе со своим учеником Джозефом Кропси он отредактировал «Историю политической философии»³², которая сильно отличалась от других уже упоминаемых работ того же жанра. Энн Нортон так пишет об этом: до «Истории политической философии» Штрауса и Кропси главной работой по истории политической теории оставалась книга Джорджа Сэйбина. Однако работа Сэйбина была посвящена главным образом Европе в узком смысле этого слова. В ней не были рассмотрены ни мусульманские, ни еврейские философы³³. Предприятие Штрауса навсегда поменяло положение дел.

Кроме того, хотя до 1970-х ведущую роль в политической теории играли эмигранты³⁴, такие как Лео Штраус, Ханна Арендт и Эрик Фёгелин, или европейские мыслители, такие как Майкл Оукшот, Исая Берлин и Раймон Арон, среди американцев также были серьезные исследователи, которые могли составить серьезную конкуренцию этим мыслителям. Одним из самых видных американских ученых был Шелдон Уолин, выпустивший в 1960-м свой главный труд «Политика и предвидение. Традиция и инновация в западной политической мысли»³⁵. Более того, находились и те, кто мог бросить достаточно смелый вызов чрезвычайно влиятельной на тот момент штраусианской школе истории политической философии. Например, в Британии, прежде всего, в Кембридже, свою научную деятельность активизировали такие крупные историки мысли, как Джон Дан, Джон Поуккок и Квентин Скиннер³⁶, каждый из которых был отличным специалистом в области истории политической теории и предлагал свое собственное прочтение истории политических идей.

Таким образом, самый важный вывод из всего этого заключается в следующем. Американские исследователи не конфликтовали между собой, даже если это касалось фундаментального различия между «научным» и историческим изучением политики. Несмотря на то, что ранние бихевиоралисты стремились

³² См.: History of Political Philosophy / Ed. By Strauss Leo. Cropsey Joseph. Chicago, 1963.

³³ Norton A. Leo Strauss and Politics of American Empire. New Haven and London, 224. P. 224.

³⁴ Следует сказать, что далеко не все эмигранты в исследованиях политической теории были ориентированы на исторический и нормативный подходы. Многие ученые-эмигранты с удовольствием приняли «бихевиорализм» за основу исследований в политической науке и с жаром отстаивали эту теоретическую и методологическую основу. Одним из ярких примеров был Карл Дойч. См.: Дойч К. О политической теории и политическом действии // Наст. изд.

³⁵ Не так давно эта работа была переиздана. Уолин дополнил ее более чем на половину. См.: Wolin S.S. Politics and Vision. Continuity and Innovation in Western Political Thought. Oxford, 2004. Вместе с тем, обратим внимание, что он, как и прочие американские ученые, продолжал игнорировать незападную политическую мысль.

³⁶ Об этих представителях британской политической теории и их противостоянии штраусианскому подходу к политической теории см.: Major R. The Cambridge School and Leo Strauss: Texts and Context of American Political Science // Political Research Quarterly. 2005. Vol. 58, No. 3. P. 477-485.

всевозможными способами «онаучить» политическую науку, они позволяли историкам спокойно заниматься своей деятельностью, тогда как послевоенные эмигранты не просто бросились размывать основы «поведенческого подхода» к политической науке, но и покушались на методологические основы самой истории политической теории. Вероятно, это столкновение континентальной и англо-саксонской политической теории на фоне американской политической науки и стало одним из главных источников достаточно серьезного конфликта внутри политической теории. Более позднее столкновение континентальной и американской мысли мы уже имели возможность увидеть на примере дискуссий между англичанином Бхику Парехом и американцем Брайаном Бэрри: примечательно, что первый отстаивал традиции, заложенные Штраусом и прочими европейскими мыслителями, в то время как второй все заслуги в эволюции политической теории приписывает Джону Ролзу и его американским последователям.

Вызов бихевиорализма

Однако это было столкновением лишь на почве истории политической теории. Конфликт усугубился, когда американцы решили полностью поставить политическую науку на научную основу и посвятить всю свою деятельность лишь микротеориям. Суть собственно бихевиорализма всем хорошо известна, чтобы говорить о нем здесь подробно. Однако не будет лишним привести цитату из статьи Шелдона Уолина, хорошо описавшего некоторые моменты «поведенческой революции»: «На самом деле в политической науке произошла революция – та, что является отражением той традиции политики, которая гордится своей прагматичностью и сосредоточенностью на работающих техниках. Подобно всякой технически ориентированной деятельности, бихевиоральное движение предполагает, что фундаментальные цели и договоренности, которые эта техника обслуживает, уже установлены и что, следовательно, она усиливает молчаливо или открыто эти цели и установления и действует исходя из того, что альтернативы строго ограничены этими же самыми целями и установлениями. Упор на методы не обозначает простое приобретение „набора“ новых „инструментов“, но предполагает точку зрения, имеющую значимые импликации для эмпирического мира, призвания и образования политического ученого, а также тех ресурсов, которые питают теоретическое воображение»³⁷. Ни больше, ни меньше. Прагматизм, эмпиризм и полный отказ от ценностных суждений были основными пунктами программы бихевиоралистов.

Эмпирическая политическая теория тесно связывалась с политической наукой в ее классическом американском варианте (надо сказать, она и по сей день остается востребованной отраслью теоретического знания). Она, используя методы естественных наук, сама могла быть объяснена по образу и подо-

³⁷ Уолин Ш. Политическая теория как призвание // Наст. изд.

бию этих наук. Вместе с тем, после признания многих своих ошибок эмпирическая политическая теория, основываясь на разработанных ею приемах и процедурах, заявила, что фактически могла бы выполнять функции нормативной и исторической политических теорий. Это объясняет резко негативное отношение эмпирических «политических ученых» к нормативным «политическим теоретикам». Бихевиорализм выступал против «простого фактуализма, метафизики и абстрактных спекуляций, дедуктивности, против принятых как должное интерпретаций истории, построения грандиозных будущих перспектив, против установления связи политической науки с моральными и этическими проблемами»³⁸.

Многочисленные и язвительные заявления бихевиоралистов о выдающейся роли науки и научной теории в итоге раздробили и политическую науку, и политическую теорию, отстаиваемую европейскими эмигрантами и британскими политическими мыслителями. Вместе с тем, как справедливо пишет Джон Ганнел, аргументы «за» и «против» бихевиорализма потребовали от теоретиков политики серьезных и глубоких философских и метатеоретических обоснований. Более того, именно в период «бихевиоральной революции» как никогда ярко проявились достаточно сильные различия между «*Политической теорией*» и «*политической теорией*», а, следовательно, и проблема непростых отношений между ними. «Для большинства бихевиоралистов первым делом была научная перестройка дисциплины». «Бихевиоральная революция была теоретической революцией в различных смыслах. Во-первых, она стала революцией в теории науки, сформировала беспрецедентное метатеоретическое сознание о научной теории и научном объяснении. Во-вторых, значительная энергия бихевиоралистов пошла на пропаганду, создание и применение того, что они считали теориями. В-третьих, делался отчетливый акцент на чистой или теоретической науке и осуществлялся поворот от идеи либеральной реформы и социального управления как цели социальной науки»³⁹.

Отныне политические ученые могли не стесняться в выражениях: политическая теория находилась под обаянием все тех же эмигрантов, и отстоять право называть политической теорией то, что хотят именно они, а не то, что желают только что приехавшие «философы», было для американских бихевиоралистов делом чести. Теперь они могли не стесняться в выражениях, ведь история политической философии уже практически вышла из-под влияния американских теоретиков, стремящихся продемонстрировать прогресс либерализма и демократии, а не рассуждающих о том, что такое благо и лучший политический режим. Американские политические ученые клеймили теорию как телеологическую, моралистскую, историческую и этическую, более того, с их точки зрения, она вообще осталась в том же положении, в котором ее оставил Аристотель⁴⁰. А

³⁸ Сморгунова В.Ю. Феномен политического знания. СПб., 1996. С. 252.

³⁹ Ганнел Д. Политическая теория: эволюция дисциплины // Наст. изд.

⁴⁰ Подробнее см.: Ганнел Д. Политическая теория: эволюция дисциплины // Наст. изд.; Gunnell J.G. In Search of the Political Object: Beyond Methodology and Transcendentalism // What Should Political Theory Be Now. Ed. by

раз так, то какую эвристическую ценность она должна была представлять для демократических США, как она могла повлиять на штудии «политической психопатологии», на изучение поведения избирателей во время голосования, на исследования теории административного управления? К тому же излишнее морализаторство – а именно таковым бихевиоралисты считали современную им политическую теорию – и спекулятивные размышления, традиционно связываемые с европейской философской традицией, не могли не раздражать эмпирических политических ученых. В результате им стало проще похоронить политическую теорию, чем отвоевывать ее у нормативистов.

Например, один из самых видных «научных политических теоретиков», начинавший, кстати, как исследователь политической теории в ее традиционном понимании, печально констатировал: «В англоязычном мире, решившем множество интересных политических проблем (пускай и поверхностно), политическая теория умерла. В коммунистических странах она под замком. Она угасает повсеместно. На Западе процветает эра текстологической критики и исторического анализа, предполагающих, что исследователь политической теории прокладывает свой путь, заново открывая некоторые заслуженно оставленные в тени тексты или давая новые интерпретации уже известным»⁴¹. В этом пассаже хорошо прочитывается неприязнь к «текстологической критике» и «историческому анализу» политической теории, – между прочим, главные пункты в подходах Штрауса, Фёгелина, Поукока и Скиннера.

Придерживаясь позиций, схожих с позицией Даля, отдававшего должное иностранцам там, где это было возможно⁴², многие другие бихевиоральные критики чрезмерно радикализировали свои взгляды. В своих исследованиях они делали упор на проблемах суверенитета, политических системах, культурах, поведении политических акторов и т.д. И этот «ограниченный интерес» выдавал в них чрезмерную увлеченность американскими политическими ценностями, а также абсолютизацию этих ценностей. Все исследователи были убеждены, что главными достижениями политической науки являются либерализм и демократия американского типа, и что это следует принять за образец любого исследования, неважно чему оно посвящено – режимам, культуре или сравнительной политологии.

«Задача политической науки состояла в постоянной рационализации демократических установок и принципов, заложенных в основу американской политической системы, а также в подпитывании общественного сознания новыми аргументами в пользу состоятельности идеалов либеральной демократии»⁴³. Альтернативный подход к предмету и методу политической науки или полити-

Nelson J.S. Albany, 1983. P. 25-52.

⁴¹ Даль Р. Политическая теория: истина и последствия // Наст. изд.

⁴² Свой текст о политической теории он писал в виде рецензии на книгу Бертрана де Жувенеля «Суверенитет. Исследование политического блага». См.: Jouvenel B. de. *Sovereignty: An Inquiry into the Political Good*. Chicago: University of Chicago Press, 1957.

⁴³ Сморгунова В.Ю. Феномен политического знания. СПб., 1996. С. 228.

ческой теории мог расцениваться ими как самое страшное предательство ценностей самого демократического и самого либерального государства в мире. Между тем любопытно, что феномен тоталитаризма исследовали и критиковали именно европейские политические теоретики – Ханна Арендт, Эрик Фёгелин, Карл Поппер, Раймон Арон и Лео Штраус. То ли, для того чтобы позлить американских ученых, то ли, для того чтобы открыть новые грани истории политической теории Штраус вообще сделал предметом своего анализа «тиранию». Причем он не рассматривал ее как однозначно негативный политический режим. В результате конфликт усугубился еще больше. Исследования политических теоретиков приобрели резкий критический тон не только по отношению к современности, но теперь уже и по отношению к либеральному видению науки и демократии.

Строгая научность, эмпиризм и свобода от ценностей были лишь прикрытием американских политических ученых. Однако они не замечали, что их собственный подход был ничуть не менее «ценностным», чем у политических философов. Таким образом, конфликт происходил не на уровне научных и интеллектуальных дискуссий, а на уровне ценностей. Идеи свободной от ценностей науки, занимающейся поиском законов политического поведения, стали противоположными «более ценностному набору» рассуждений политических теоретиков, не принимавших «бихевиоральных установок».

И здесь мы подошли к главному и самому трагическому пункту истории политической теории. К тому времени уже вполне сформировались три вида политической теории – «историческая», «нормативная» и «эмпирическая»⁴⁴. В 1968 году Ассоциация американской политической науки попросила политических теоретиков определиться со своей «идентичностью». Они могли выбирать из трех предложенных пунктов. Понимание того, что существуют разнопорядковые подходы к исследованию политической теории, пришло относительно поздно, и, как было показано выше, до 1950-х политическая теория воспринималась как нечто цельное. Вместе с тем, похоже, на тот момент было трудно

---

⁴⁴ Биографический справочник Американской ассоциации политической науки, 1968. См. об этом: Gunnell J.G. The Descent of Political Theory. The Genealogy of an American Vocation. Chicago and London, 1993. P.251.

Шелдон Уолин назвал это кризисом идентичности политической теории: «Ассоциация американской политической науки распространила опросник, который [...] помог поднять вопрос: «В чем заключается призвание политического теоретика?». Политических теоретиков призвали идентифицировать себя и обозначить собственный эмпирический статус, выбрав между политической теорией и философией, исторический статус, выбрав между политической теорией и философией, и, наконец, нормативный статус собственной деятельности, выбрав между политической теорией и философией. Несмотря на то, что предложенный перечень вариантов ответов может обозначать некую жизненность и разнообразие, также он может свидетельствовать о значительной путанице в отношении природы политической теории. В свою очередь, политические теоретики могут считать это кризисом идентичности, вызванным тем, что они обнаруживают себя помещенными в классификацию, составленную другими, – классификацию, которую можно разложить на ряд допущений о природе теоретической жизни, которые, наверно, не покажутся близкими по духу многим теоретикам». См.: Уолин Ш. Политическая теория как призвание // Наст. изд. Существует также точка зрения, согласно которой не было никакого кризиса, так как целостной *традиции* политической теории никогда не существовало. То, что называли традицией политической теории, было на самом деле набором противоречащих концепций, постоянно конфликтующих друг с другом.

осознать тот факт, что существовал еще один «вид политической теории», кардинально отличавшийся от трех предложенных. Это была «идеологическая политическая теория», которую никак нельзя было приравнять к «нормативизму». Суть «идеологической политической теории» заключается в том, что политическая теория не рассматривала идеологию в качестве своего предмета, но сама была насквозь идеологичной. В конце концов, можно сделать вывод, что политическая теория может предстать перед нами в нескольких ипостасях. Как минимум, мы можем говорить о ее четырех различных вариантах, не сводимых друг к другу. Это нормативная политическая теория, эмпирическая политическая теория, историческая политическая теория и идеологическая политическая теория⁴⁵. Что касается нормативной теории политики, то она неоднородна и также может делиться как минимум на классическую и неклассическую. Вообще, мало кто из исследователей политической теории считает ее однородной и универсальной.

Проблемы с идеологией

В конце 1950-х – начале 1960-х годов в США в социологической и политологической среде очень популярной темой стала идея «конца идеологии». Западные интеллектуалы пришли к выводу о том, что социализм и капитализм настолько похожи друг на друга в своих самых существенных чертах, что, кажется, почти перестали различаться между собой. Все значимые вопросы свелись лишь к политической технике и принятию решений, идеи же отошли на задний план и лишились интереса со стороны ученых. Общество стало гомогенным, а политический процесс – предсказуемым и прогнозируемым.

Однако если вспомнить хотя бы идеологии студенческого радикализма, негритянского протеста, феминистских выступлений, рост антивоенного движения, всплеск консервативного интеллектуального и политического движения, в рамках которого насчитывалась не одна и даже не пять противоборствующих групп, а также политический либерализм в его самых разных изданиях, от «Новых рубежей» Кеннеди до «Великого общества» Джонсона, то можно убедиться, что в провозглашении «конца идеологии» было что-то фальшивое. Разве можно было так сильно заблуждаться, имея перед собой столь очевидные доказательства утверждений, обратных провозглашению «конца идеологии»?

Тем не менее, мало кто может спорить с тем, что на тот момент их идеи могли показаться верными кому угодно. Например, известный ныне «технократ» Дэниэл Бэлл по прошествии многих лет сказал, что он не заблуждался, когда говорил о «конце идеологии», ибо на тот момент действительно было

---

⁴⁵ Политический ученый из Австралии Эндрю Винсент считает, что ипостасей политической теории не четыре, а пять. К вышеперечисленным он добавляет «институциональную политическую теорию». Как представляется, она во многом пересекается с «эмпирической» политической теорией и не заслуживает отдельного упоминания, по крайней мере, в этом контексте. См.: Vincent A. The Nature of Political Theory. Oxford, 2004. Part 1. P. 19-83.

очевидно, что она умирает, однако согласился с тем, что теперешнее положение дел полностью опровергает его прежнюю точку зрения, и сегодня можно говорить о том, что она переживает ренессанс⁴⁶.

Один из самых видных «научно ориентированных» политических ученых США Сеймур Мартин Липсет также считал, что идеологии больше не существует. Он плакал, когда писал, как на одной из пышных конференций под названием «Будущее свободы», проходившей в 1955 году в Италии, собралось множество интеллектуалов, представлявших либерализм, социализм и консерватизм, однако громких ученых баталий, которых жаждали западные демократофилы, так и не произошло. Лишь изредка все оживали, когда кто-то кого-то обвинял в «суррогатном коммунизме», подразумевая, что «коммунист» с чересчур большой симпатией относится к СССР⁴⁷. В целом же все участники мероприятия зевали, соглашаясь с каждым докладчиком. И даже когда «архиконсервативный экономист», как назвал его сам Липсет, Фридрих фон Хайек выступил с заключительным словом, рассуждая о необходимости свободы, с ним никто не поспорил. Коммунисты больше не защищали социализм. «Все идеологические споры, разделявшие левых и правых, ни много, ни мало свелись к вопросам о планировании и государственной собственности»⁴⁸.

Следует отметить, что Липсет и Бэлл не были одиночками. За несколько лет до них вопросом «конца идеологии» задался Эдвард Шилз. Кстати, именно из этого источника Бэлл и Липсет черпали свои ценные идеи. Таким образом, «певцы конца идеологией» были сплоченной группой социологов и политических ученых, мыслящих в одном ключе. Когда современный философ и политический теоретик Аласдэр Макинтайр⁴⁹ назвал идеи этих социологов «идеологией конца идеологии», он был прав, потому что с таким пылом отстаивать идею о том, что идеология утратила свою состоятельность и полностью себя исчерпала, могли только самые ангажированные идеологи. Бэлл, Липсет и Шилз хотели видеть, как прежние идеи, владевшие умами людей, заставляли совершать революции или идти добровольцем на фронт, а вместо этого они наблюдали, как сторонники консерватизма, либерализма и социализма (по крайней мере, на Западе), теряясь в либеральном хоре, в унисон пели песню о том, что свобода –

⁴⁶ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.

⁴⁷ См.: Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City, New-York, 1960. P. 401-417.

⁴⁸ Вместе с тем, справедливым будет отметить, что вопрос о собственности – ключевой в современном противостоянии идеологий. Например, один из современных консервативных экономистов Том Бетелл, редактор журнала «*American Spectator*», в 1998 году написал книгу-апологию частной собственности «Собственность и процветание». См.: Бетелл Т. Собственность и процветание. М., 2008. Труд демонстрирует кредо американских консервативных экономистов, причем пункт о неприкосновенности частной собственности сближает и даже отождествляет консерваторов с либертарианцами. На наш вопрос, не произошло ли каких-либо трансформаций в отношении самого Бетелла к собственности, он ответил: «Что ж... Не изменились ли мои взгляды в отношении важности прав на частную собственность? Нет. Они остались все теми же. Я поинтересовался, не ответил ли кто-нибудь на мою книгу серьезным возражением, предложив аргументы за коллективизм или государственную собственность: пока этого никто не сделал». Хотя во времена, когда писал Липсет, этот пункт политико-экономической программы мог показаться и пустячным по сравнению с баталиями, предшествовавшими 1950-м.

⁴⁹ MacIntyre A. Against the Self-Images of the Age. Notre Dame, 1971. Ch. 1.

чрезвычайно важная вещь, и все мы должны любить ее и оберегать от всяких покушений.

Тем не менее, никто сегодня больше не отрицает того, что идеология жива. С середины 1960-х, равно как и сегодня, стало очевидным, что идеологическая борьба не закончилась и что она и не должна была закончиться. Более того, практика показывает, что все попытки умертвить политические идеи, объединив их под одной шапкой, всякий раз терпят неудачу. Они не приносят авторам ничего, кроме сомнительной популярности. Так, еще один профессиональный плакальщик, «певец конца», но на этот раз истории, также ошибся в своих преждевременных похоронах, провозгласив, что гомогенное либеральное государство стало единственной формой существования людей. Что ж, в итоге ему пришлось признать ошибочность своих утверждений. В рамках политической теории очень удачно сравнила проблему «конца истории» с «концом идеологии» Шадиа Друри⁵⁰, указав влияние этих идей на развитие американской политической науки.

Наряду с вышеозначенными «концами» существовал и еще один – смерть политической теории. В период «бихевиоральной революции» критика политической теории шла по нескольким направлениям. Характерно, что удары сыпались и со стороны «научных» политических теоретиков, и со стороны корифеев политической философии, придерживавшихся нормативного подхода в исследовании проблем политики (что не могло, конечно, не влиять и на без того чрезвычайно фрагментированную область знания), и со стороны исследователей, вовсе имеющих к политической теории опосредованное отношение. Появились профессиональные плакальщики по безвременно покинувшей этот мир политической теории. Свои профессиональные некрологи написали «научно ориентированные» Роберт Даль и Дэвид Истон⁵¹.

Альфред Коббан, в свое время весьма известный и уважаемый историк политической теории, не преминул написать о закате того предмета, которым непосредственно занимался⁵². Упадок политической теории он видел в том, что она все сильнее дистанцировалась от практической политики, а также в том, что она не занималась исследованием идей тех теоретиков, которые того более всего заслуживали (для него таким идеалом был Эдмунд Бёрк). Один из немецкоязычных эмигрантов Арнольд Брехт хотя и использовал термин «политическая теория», но в своей книге⁵³ поднимал исключительно философские проблемы континентальной мысли. Опираясь, прежде всего, на идеи Эдмунда Гуссерля о кризисе европейских наук и европейской философии, он давал понять, что западная политическая теория основывается на том, что называется релятивизмом, а это как раз та болезнь, от которой сложно излечиться. Беда же западных политических ученых в том, что их устраивает подобное положение дел. А раз

⁵⁰ См.: Drury S. Alexandre Kojève. The Roots of Postmodern Politics. New-York, 1994. P. 180-181.

⁵¹ Истон Д. Упадок современной политической теории // Наст. изд.

⁵² Коббан А. Закат политической теории // Наст. изд.

⁵³ См. его книгу: Brecht A. Political Theory. Princeton, 1959.

так, то и европейская, и американская политическая теория находится в кризисе.

Многое для погребения политической теории сделали так называемые представители «лингвистической философии»⁵⁴. Первым из таких был Питер Ласлет, британский историк политической мысли и издатель нескольких томов очень популярной серии «Философия. Политика. Общество», в которой, как правило, публиковались тексты, посвященные проблемам лингвистического подхода к политической философии и анализу понятий. Частыми гостями сборников были Герберт Харт, разработавший «лингвистическую теорию права», и Уэлдон, в середине XX столетия также написавший эпитафию политической теории. Он считал, что «проблемы социальной и политической философии возникают из-за особенностей языка, на котором мы пытаемся описать социальные и политические институты, а не благодаря чему-то таинственному в самих этих институтах»⁵⁵. Он также настаивал, что большая часть историков политической философии заблуждалась в своих исследованиях, так как основывались на «ошибочных моральных суждениях»⁵⁶.

Современный британский политический теоретик Джон Грей хорошо описал это чрезмерное и повальное увлечение философией и анализом языка: «В этот период складывается впечатление, что единственное, чем еще можно заняться в данной области, – так это различного рода изыскания в жанре „анализа понятий“, которые представляют собой ничто иное, как кабинетное исследование современных и частных смыслов слов, обязанное своим значением или влиянием тому, что оно обращается к лингвистическим или моральным интуициям кабинетных философов, а не пользователей языка, – исследование, подобное тому, что было осуществлено в 1965 году Брайаном Бэрри в книге „Политический аргумент“⁵⁷»⁵⁸.

Многие в ряду хора поющих отходную молитву политической теории хотели показаться оригинальными и поэтому продлевали жизнь политической теории на неопределенный срок. Так, Ларри Спенс объявил о том, что «политическая теория» находится в интеллектуальной отставке (хотя, чтобы продолжить такую красивую и оригинальную метафору смерти, ему следовало бы сказать: «в коме»), но, остается надеяться, писал он, что наступит день, и она вновь

⁵⁴ Отличным примером лингвистического подхода к политической философии может служить статья Майкла Оукшота, представленная в данной антологии. См.: Оукшот М. Что такое политическая теория? // Наст. изд.

⁵⁵ Однако так считали далеко не все британцы, большинство из которых находилось под обаянием лингвистической философии. Так, один из ведущих историков политических идей Джон Дан отметил в своем эссе об «Истории политической теории», что, несмотря ни на какие прогнозы Истона, Ласлета и Уэлдона, у нее есть будущее. См.: Dunn J. The History of Political Theory and Other Essays. Cambridge, 1998. P. 12.

⁵⁶ Weldon T. D. The Vocabulary of Politics. London, 1953.

⁵⁷ Упомянутое исследование Брайана Бэрри явилось предтечей ролзовского ренессанса в политической философии. Фактически он писал о том же, о чем и Джон Ролз, но за несколько лет до него. Однако именно работа Ролза стала определяющей. Книга же Бэрри осталась практически незамеченной. См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. М., 2002. С. 23-24.

⁵⁸ Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003. С. 15.

вернется к своей деятельности, но не будет ориентироваться только на историю, а обратит свое внимание также и на вопросы практической политики⁵⁹.

Парадоксально, но все эти многочисленные попытки покончить с политической теорией стимулировали движение по ее возрождению. С целью отстоять право на существование предмета, который был одним из главных его интересов, британский мыслитель Исая Берлин написал статью с названием «Существует ли еще политическая теория?». Обратим внимание, что очень немногие отваживались поставить вопрос так прямо, как это сделал Берлин. После долгих и пространных рассуждений о позитивизме, инструментализме и эмпиризме, проповедуемых политическими теоретиками, он написал: «Неомарксизм, неомизм, историцизм, экзистенциализм, антиэссенциалистский либерализм и социализм, перевод учений о естественных правах и естественном законе на язык эмпирических терминов, открытия, сделанные благодаря искусственному применению моделей, заимствованных у экономики и родственных ей технических наук, к социальному поведению, коллизии, комбинации и практические последствия этих идей, не свидетельствуют о смерти великой традиции; если о чем они и свидетельствуют, то о новых и непредсказуемых путях развития»⁶⁰. Обратим внимание, с какой легкостью Берлин объединил под одной крышей множество противоречащих друг другу подходов к политической теории.

Прямым выпадом против эссе Альфреда Коббана и Дэвида Истона была статья Данте Джермино «Возрождение политической теории»⁶¹. Джермино совершенно верно показал, что появление и развитие идеологии, в конце концов, лишь привело к упадку политической теории, потому что идеология конфликтует с исторической, нормативной и тем более с эмпирической политическими теориями. Так, конкретно-политический и политико-философский дискурс стало различать все сложнее. Кстати, совершенно неосознанно Джермино совершает выпад против некоторых из «историков политических идей». Хотя известно, что идеология – сравнительно молодое понятие, появившееся лишь в самом начале XIX столетия и получившее распространение лишь во второй половине того же века, многие исследователи пытаются посредством него изучать более ранние политические теории. Они помещают теории в исторический и, как они сами это называют, идеологический контекст. Например, таких взглядов придерживается британский историк политической мысли Квентин Скиннер⁶². Джермино указывал, что ценность политической мысли Жан-Жака Руссо состояла не в том, что французские революционеры многое позаимствовали из его социальной философии, а в том, что безотносительно к чему-либо, сама по

⁵⁹ Спенс Л. Политическая теория в отставке // Наст. изд.

⁶⁰ Берлин И. Существует ли еще политическая теория? // Берлин И. Подлинная цель познания. М., 2002. С. 123.

⁶¹ См.: Джермино Д. Возрождение политической теории // Наст. изд.

⁶² Так называемое рассмотрение «идеи или текста в контексте». См., например: Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб., 2006.

себе эта философия чрезвычайно важна в истории развития политической теории.

Критикуя Коббана, Джермино совершенно точно указал на моменты, в которых автор ошибался. Действительно, когда Коббан описывал упадок политической теории, то он говорил скорее о кризисе позитивистской политической науки, ориентированной на отказ от ценностных суждений, чем о политической теории, всегда остававшейся предельно идеологичной. Более того, Коббан не был настолько прозорлив, чтобы отделить настоящих политических теоретиков от публицистов, то есть он не проводил различия между уровнями политической теории. Политическими теоретиками принято считать как Платона, Фому Аквинского и Гоббса, так и Бёрка, Маркса и Милля. Определенно, что вторые «гораздо более идеологические теоретики», чем первые.

Однако это была лишь одна сторона критики Джермино. Другой было еще более важное покушение. В начале 1960-х, когда бихевиоральное движение постепенно начало сходить на нет, а политическая наука переходила, по словам Дэвида Истона, в «постбихевиоральную стадию», многие занялись поиском причин упадка столь популярного некогда движения. Само собой, одним из пунктов неудачи бихевиоралистов был тот самый пресловутый отказ от ценностей, который они сделали чуть ли не главным пунктом своей программы.

Отталкиваясь от этого, такие ученые, как Дэвид Истон, очень умело трансформировали некогда вражескую концепцию в своих собственных интересах. Истон продолжал клеймить историческую политическую теорию, однако, кажется, согласился с некоторыми допущениями нормативизма. Он обезопасил себя тем, что в позитивистски ориентированную политическую теорию он включил пункт «о ценностях» и с пафосом провозгласил: «История политических ценностей привела к сосредоточению внимания исследователей на отношении ценностей к окружающей среде, в которой они проявляются, а не на попытках создать новые концепции ценностей, соответствующих нуждам человека. Политические ученые посвящали себя тому, что являлось по существу эмпирической проблемой, а не проблемой ценности, по крайней мере, в терминах традиционного разделения фактов и ценностей. Совершая это, они включили теорию ценностей в эмпирическую или каузальную социальную науку и таким образом оставили традиционную задачу теории по переформулированию содержания ценностей»⁶³. Карл Дойч также с легкостью нашел способ приспособить ценности к эмпирической политической теории: он просто сделал их предметом количественного анализа⁶⁴.

Сегодня, когда все уже давно признали, что бихевиорализм представлял собой лишь определенный вид «идеологии» (конечно, не в традиционном значении этого слова) и транслирования определенных ценностей, если в каком пункте и сходятся оппоненты, так это в том, что политическая теория без идео-

⁶³ Истон Д. Упадок современной политической теории // Наст. изд.

⁶⁴ Дойч К. О политической теории и политическом действии // Наст. изд.

логии слишком теоретична. Разночтения остаются лишь в вопросах, нужно ли политической теории оставаться абстрактной и непрacticной областью знания, или же она должна покинуть свою башню из слоновой кости и заняться актуальными политическими вещами. Другими словами, идеология увязывает политическую теорию с вопросами практической политики, а согласятся ли специалисты на подобный союз, зависит исключительно от них. Данте Джермино не согласился, заявив, что «теорией следует заниматься лишь ради неё самой. [...] Ныне пришло самое время обратиться внутрь себя и вновь ощутить всё великолепие такой жизни»⁶⁵. Вместе с тем, Данте Джермино лишь отстаивал точку зрения, предложенную его учителями – Эриком Фёгелином и Лео Штраусом.

В самом деле, ни Фёгелин, ни Штраус никогда не позиционировали себя как представители того или иного политического течения. Более того, Фёгелин всегда резко реагировал, когда его самого или его друга кто-то по каким-либо причинам записывал в лагерь консервативно мыслящих интеллектуалов⁶⁶. Оба они всегда занимались исключительно теоретическими вещами. Однако когда дело доходило до их взглядов на политическую науку, то они предпринимали настоящий поход против позитивистов. В дискредитации позитивистского и «поведенческого движения» в политической науке Штраус также преуспел больше Фёгелина⁶⁷.

Можно сказать, что Лео Штраус стал главным противником ценностной нейтральности политической науки. Для того чтобы нанести бихевиорализму решающий удар, он выбрал очень удачное время. В начале 1960-х Штраус собрал своих самых преданных учеников и объявил, что наступила пора принять решающий бой. Вместе они написали и издали книгу с названием «Эссе о научном изучении политики»⁶⁸. Книга состояла из пяти статей: об исследовании голосования, о науке администрирования, разработанной Гербертом Сайманом, о групповом подходе, развиваемом Артуром Бентли, о научной пропаганде Гарольда Лассуэлла. Последнее эссе было посвящено не конкретной теме научного изучения политики, а политической «науке» как таковой. Оно имело название «Эпилог» и принадлежало перу Лео Штрауса. Как пишет Нассер Бенегар, исследователь творчества Лео Штрауса, это не был эпилог к книге, это был «Эпилог» американской политической науки⁶⁹. Вот каким образом Штраус закончил свое эссе: про политическую науку «можно сказать, что она играет на лире в то время, когда Рим горит. Ее извиняют два обстоятельства: она не знает, что играет на лире, и не знает, что Рим горит»⁷⁰.

⁶⁵ Джермино Д. Возрождение политической теории // Наст. изд.

⁶⁶ Подробнее об этом см.: Павлов А.В. Прагматичные наследники политической философии Лео Штрауса // История философии. 2008. № 13. С. 98-109.

⁶⁷ Более подробно о проблеме идеологии в политической теории см.: Эшкрафт Р. Политическая теория и проблема идеологии // Наст. изд.

⁶⁸ См.: *Essays on the Scientific Study of Politics* / Ed. by Storing H.J. Chicago, 1962.

⁶⁹ Benhegar N. *Leo Strauss, Max Weber and Scientific Study of Politics*. Chicago, 2004. P. 143.

⁷⁰ Штраус Л. Эпилог // Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 161.

И хотя эта книга вызвала бурную полемику и долгое время обсуждалась в журналах, тем не менее, последнее слово было сказано. Нормативная и историческая политическая теория одержала верх над позитивистской политической наукой. Также стало очевидным, что еще рано списывать со счетов «идеологическую политическую теорию». Вместе с тем, никто, кажется, не обратил внимания на то, что интеллектуальный мир послевоенных эмигрантов, точно так же, как и американская политическая наука, играл на лире, не обращая внимания на погоревший Рим. С момента выхода «Эссе о научном изучении политики» прошло чуть менее десяти лет, а все были поглощены новым словом в политической теории – «Теорией справедливости» американского философа Джона Ролза.

Отчуждение политической теории

Может быть, «Теория справедливости» Ролза и была новым словом в политической теории, но это были лишь абстракции, не имеющие никакого отношения к политике, как бы тому не сопротивлялись другие исследователи. Ролз сыграл свою роль в истории политической философии определенного типа, однако к политической теории его рассуждения имеют опосредованное отношение. В конце концов, он как никто другой и все его более поздние последователи сделали очень много для «отчуждения политической теории».

Как видно из всех предшествующих примеров и рассуждений, не существовало никакой «традиции политической теории». Точнее, она была, но настолько молодой, что скорее ее следовало бы назвать тем, что английский историк Эрик Хобсбаум считает «традицией изобретенной». Как сказал Альфред Коббан: «Должен признаться, что то, что обычно называется политической теорией, кажется мне средством, изобретенным университетскими преподавателями, во избежание этого опасного предмета политики, в итоге не ставшим также и наукой»⁷¹. Та легкость, с какой Ролз порвал со всеми предыдущими политическими теориями, свидетельствовала в пользу этого тезиса как нельзя лучше. Однако стремление Ролза заниматься определенными темами политической философии все же не позволяло ему быть более практичным, чем все те, кого так нещадно критиковал Коббан. Теория Ролза, несмотря на то, что сам он позиционировал себя как либерала, оставалась предельно абстрактной и фактически не касалась реального политического процесса. Это было как раз таким подходом, который, по мнению Коббана, и привел к упадку политической теории.

Вместе с тем, до 1971 года все конфликты были сравнительно легкими и поверхностными. Политической теории всегда оставляли шанс вернуться на поприще истории, порассуждать о политическом благе или же исследовать смысл и значение языка в политической жизни. Что бы ни говорили Дэвид Истон или

⁷¹ См.: Коббан А. Закат политической теории // Наст. изд.

Альфред Коббан, они критиковали политическую теорию внутри общего дискурса самой «политической теории». Конечно, они высказывали свою точку зрения на то, какой ей следовало быть в то время, но той политической теории, которая всем была знакома уже с начала XX века. Однако эти вопросы уже не слишком интересовали Джона Ролза и его последующих комментаторов. Их совершенно не заботил институциональный статус политической философии. Они действовали так, будто до них не было вообще никаких наработок в области теории политики. Причем это касается не только предшественников Ролза – Штрауса, Берлина, Арндт, Маркузе и Оукшота, но и вообще большинства выдающихся представителей истории политической философии (исключение, как об этом говорилось в начале статьи, составляли только Кант и утилитаристы).

После странной смерти политической теории, объявленной многими исследователями, стремящимися продвинуть собственный проект «политической теории», книга Ролза, разумеется, воспринималась ничем иным, как возрождением Феникса. Однако подобное положение дел совершенно не устраивало тех, кто придерживался старых добрых тем политической теории. Одним из тех, кто не хотел мириться с таким положением вещей, был Джон Грей, написавший: «Возможно, политическая философия и возродилась в 1971 году, но она была мертворожденной». И добавил: «На самом деле 50-е и 60-е годы XX века были ознаменованы целым рядом исследований, которые внесли значительный вклад в политическую философию: Берлина – по проблеме свободы, Харта – по вопросам права, Хайека – по проблеме сущности либерального государства, Оукшота – по проблеме рационализма в политике, если упоминать только самые заметные имена»⁷². Однако такие суждения только выдавали меланхолическую тоску по безвозвратно утерянной «традиции» политической теории.

Более сдержанную оценку значения Ролза дал Теренс Болл, написавший, что «Политическая теория получила заметную поддержку в начале 1970-х публикацией „Теории справедливости“ (1971) Джона Ролза. В отличие от тех, кто приписывает ему одному возрождение политической теории, я не хочу преувеличивать важность Ролза, хотя он был и остается значительной фигурой. Однако я убежден, что его размышления о справедливости были особенно важными и привлекательными для тех, кто вложил свою жизнь, размышлял и принимал участие в антивоенном движении и в движении за гражданские права». Ролз на самом деле сформулировал основные идеи, легшие в основу либерально-коммунарных дебатов⁷³. Однако эти дебаты уже совершенно не были той политической теорией, которая имела место в 1950-1960-х годах. Интеллектуальный

⁷² Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003. С. 13.

⁷³ Лучший и, пожалуй, единственный сборник, посвященный этой теме: Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М., 1997. См. также замечательную вступительную статью: Макеева Л.Б. Предисловие // Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М., 1997. С. 7-18. Также стоит упомянуть работу Т.А. Алексеевой. См. Современные политические теории. М., 2000. О Ролзе: С. 136-168; о коммунарниках: С. 201-220.

мир послевоенных эмигрантов был небезопасным, поэтому и те проблемы в этике, политике и философии, которые они обсуждали, и те принципы, которых они придерживались, стали выражением их бессилия. В результате во многом и по этой причине у американцев получилось серьезно пошатнуть позиции континентальной политической философии на попроще «политической теории» и подорвать ее влияние, которое, казалось бы, было таким сильным.

Сегодня наблюдаются попытки синтезировать и взаимно дополнить эти противоречащие друг другу типы политического теоретизирования. Например, книга Кори Робина «Страх. История политической идеи»⁷⁴, снискавшая в 2004 году огромное количество хвалебных откликов, представляет собой попытку сплавить оригинальную историю политической теории и рассуждения в стиле либералов и коммунитаристов 1980-х годов. Однако эта попытка все-таки неудачна. Создается впечатление, что работа механически поделена на две части: историю политической идеи и попытку оценить современную политическую ситуацию в США сквозь призму подходов политических теоретиков второй половины XX столетия. По отдельности обе части выглядели бы восхитительно, вместе же они кажутся недоразумением.

Таким образом, долго тлеющий идеологический конфликт между несколькими политическими теориями, обозначивший себя уже в самом начале 1950-х, к середине 1980-х привел к тому, что «политическая теория» как таковая фактически полностью отделилась от политической науки и стала самостоятельной областью научного и политического знания. Джон Ганнел, внимательно следивший за судьбой политической философии, быстро отреагировал на перемены и издал книгу «Между философией и политикой. Отчуждение политической теории»⁷⁵, в которой рассказал о сильнейшем влиянии послевоенных эмигрантов на процесс эволюции политической теории и о том, каким образом новый подход к ее осмыслению и пониманию привел к ее отделению от политической науки.

Деятельность Ролза лишь усугубила кризис в среде политических теоретиков, ориентировавшихся на послевоенных эмигрантов. Несмотря на то, что еще оставались приверженцы доролзовской политической теории, большинство книг стали строиться так, будто до Ролза вообще не существовало никакой политической теории. Хорошим примером в данном случае могут быть монографии Рафаэля и Норманна Бэрри⁷⁶. В последнее время и эта «традиция» политической теории сталкивается с новыми вызовами. Прежде всего, стоит отметить феминистскую критику⁷⁷ и чрезмерную увлеченность постмодернизмом. Например, в последнее время на Западе стало модно писать

⁷⁴ Робин К. Страх. История политической идеи. М., 2007.

⁷⁵ Gunnell J.G. Between Philosophy and Politics. The Alienation of Political Theory. Amherst, 1986.

⁷⁶ Raphael D.D. Problems of Political Philosophy. Amherst, 1990; Barry N. An Introduction to Modern Political Theory. New-York, 2000. Обе книги выдержали несколько изданий. Первая – в 1976 и 1990, вторая – в 1981, 1989, 1995 и 2000.

⁷⁷ На русском, например, см.: Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001; Феминистская критика и история политической философии. М., 2005.

философские комментарии к произведениям популярной культуры. Не отстают от философов и политические теоретики⁷⁸. Хотя такой подход и может быть плодотворным, все же он свидетельствует о кризисе в современной политической теории. Все эти попытки найти новые горизонты политической теории или оживить ее за счет новых методов и подходов социальных наук определенно не идут ей на пользу. Кажется, что самым плодотворным периодом существования политической теории все-таки были безвозвратно ушедшие 1950-1970-ые годы. Представляется, что наиболее верным решением было бы развивать политическую теорию именно этого периода, то есть вновь обратиться свой взгляд на политическую мысль Карла Шмитта, Лео Штрауса, Эрика Фёгелина, Ханны Арент, Исаяи Берлина, Майкла Оукшота, Шелдона Уолина – мыслителей, более всего сделавших для формирования политико-философского климата США и Западной Европы.

---

⁷⁸ На русском, например, см.: Кантор П. «Симпсоны»: Атомистическая политика и нуклеарная семья // «Симпсоны» как философия. М., 2005; Уоллис Д.М. Маркс (Карл, не Гручо) в Спрингфилде // «Симпсоны» как философия. М., 2005; Баунт Д. Сверххоббиты: Толкин, Ницше и воля к власти // «Властелин колец» как философия. М., 2005.